

СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ АПЕЛЛЯТИВНОЙ ЛЕКСИКИ ТОПОНИМОВ В ОРХОНО-ЕНИСЕЙСКИХ ПИСЬМЕННЫХ ПАМЯТНИКАХ

*Lyazzat NAKHANOVA**

Аннотация:

В статье рассматриваются основные принципы номинации географических объектов в древнетюркский период. Автором выявлено, что апеллятивная лексика играла релевантную роль в образовании топонимов, зафиксированных в текстах Орхоно-Енисейских письменных памятников. Апеллятивная лексика древнетюркской географической номенклатуры характеризуется чрезвычайно разнообразным составом лексики, относящейся к различным сферам. В этой связи апеллятивная лексика древнетюркских топонимов позволяет разграничить и детализировать почти все разновидности географических объектов, созданных природой и в результате деятельности человека. По семантическому содержанию древнетюркская апеллятивная лексика топонимов автором подразделяется на следующие семантические группы: а) гидронимическая апеллятивная лексика; б) оронимическая апеллятивная лексика; в) дромонимическая апеллятивная лексика; г) хоронимическая апеллятивная лексика; д) ойконимическая апеллятивная лексика; е) апеллятивная лексика, относящаяся к природным образованиям. Лексико-семантический анализ апеллятивной лексики древнетюркской топонимии позволяет раскрыть внутреннюю смысловую структуру слова, состоящую из общих сем и дифференциальных значений, а также установить этимологию составляющих компонентов.

Ключевые слова: *Орхоно-Енисейские письменные памятники, руника, ономастика, топонимика, топонимические единицы, семантика, основные принципы номинации.*

* Ege Üniversitesi Edebiyat Fakültesi Çağdaş Türk Lehçeleri ve Edebiyatları Bölümü, nilia@mail.cu.

Appellative Classification and Semantic Aspect of Lexicon of Place Names in Orkhon-Yenisei Written Monuments

Abstract:

This article discusses the basic principles of the nomination of geographic features in the ancient Turkic period. The author found that the appellative lexicon played a relevant role in the formation of place names recorded in the texts of Orkhon-Yenisei written monuments. Appellative lexicon of ancient Turkic geographic nomenclature is characterized by an extremely diverse composition of the vocabulary related to different areas. In this regard, appellative lexicon of ancient Turkic place names allows differentiating and detailing almost all varieties of geographic objects created by nature and by human activities. According to the semantic content of appellative lexicon of ancient Turkic place names the author divided them into the following semantic groups: a) hydronymic appellative lexicon; b) oronymic appellative lexicon; c) dromonymic appellative lexicon; d) horonymic appellative lexicon; e) oikononymic appellative lexicon; f) appellative lexicon related to natural formations. The lexical-semantic analysis of the appellative lexicon of ancient Turkic place names allows revealing the inner semantic structure of the word, consisting of common and differential values and establishing the etymology of the components.

Keywords: Orkhon-Yenisei written monuments, runic, onomastics, toponymy, toponymic units, semantics, the basic principles of nomination.

Orhun, Yenisey Yazıtlarındaki Yer Adlarını Tanımlayan (Apeiyatif) Leksiğin Semantik Analizi

Özet:

Bu makalede Eski Türk dönemindeki coğrafi mekânların adlandırılmasının temel prensipleri tartışılmaktadır. Orhun Yenisey Yazıtları'ndaki yer adlarının oluşmasında apeiyatifler önemli bir rol oynamaktadır. Eski Türk yazıtlarındaki apeiyatiflerin zengin söz varlığına sahip olması sebebiyle geniş bir alanı tanımlayabilmiştir. Bu söz zenginliği Eski Türk döneminde doğa ve insan tarafından oluşturulmuş coğrafi objeleri sınıflandırmamıza imkân vermektedir. Semantik içeriğe göre Eski Türk yer, su adlarının apeiyatiflerini şöyle sınıflandırabiliriz: a) hidronim apeiyatifleri, b) oronim apeiyatifleri, c) dromonim apeiyatifleri, d) horonim apeiyatifleri e) oykonim apeiyatifleri f) doğal oluşumların apeiyatifleri. Eski Türk dönemindeki apeiyatiflerin sınıflandırılması ve semantik analizi, kelimelerin semantik ve etimolojik açıdan incelenmesini sağlamıştır.

Anahtar kelimeler: Orhun Yenisey Yazıtları, runik, onomastik, toponomi, apeiyatif, semantik.

Древнетюркские топонимы, зафиксированные в Орхоно-Енисейских письменных памятниках, представляют особый пласт, который складывался в течение многих веков в различных культурно-исторических и физико-географических условиях. Они тесно связаны с окружающей действительностью, с насельниками, их сознанием, а также духовно-практической деятельностью. В этой связи семантический потенциал, которым наделены древнетюркские топонимические единицы, представляет собой особую важность для исследования языка, истории, культуры древних тюрков.

1. В современной лингвистике семантика топонимических единиц, в целом имен собственных является

«областью не только не исследованной, но и не определенной» (Суперанская 2012). Это связано с тем, что под значением имени собственного и значением вообще, понимаются разные вещи. В настоящее время ученые разделились во мнениях. Существуют те, кто полагает, что связь имен собственных с понятием существует, и те, кто отрицают прямую связь между понятием и именем собственным. Среди сторонников последней точки зрения находится А.В. Суперанская, которая по поводу сущности лексического значения топонима и его понятийного содержания, отмечает: «семантика топонима – это комплекс сведений об именуемом объекте, отношении говорящего к объекту, знакомство с семантикой апеллиатива топонима и ассоциации его в речи. Чтобы понять значение географического названия, необходимо знать типовые ситуации, в которых они употребляются» (Суперанская 2012, с. 368).

2. К. Хэнгст является последователем тех, кто полагают, что связь имен собственных с понятием существует и данная связь является связью особого рода. К. Хэнгст о значении имени собственного пишет:

«можно лингвистическими методами добраться до значения исходных апеллиативов в момент создания имен и узнать их первоначальную семантическую мотивированность...» (Суперанская 2007). Согласно К. Хэнгсту у топонимов в значении доминирует знание реалий. Структура значения топонимов включает ряд семантических элементов:

- 1) сема величины и административного положения;
- 2) признак географического положения;
- 3) сема экономического значения;
- 4) сема культурного значения;
- 5) положения и пути сообщения (Суперанская 2007, с. 106).

3. Положения К. Хенгста перекликаются с идеями О.Т. Молчановой, которая под семантикой собственного имени понимает широкий круг составляющих экстралингвистического характера (Суперанская

2007, с. 107). . В.А. Никонов, поддерживая мысль о существовании связи между собственным именем и понятием, выделяет дотопонимическое (этимологическое, апеллятивное) значение топонимов как особый план, от которого образовался топоним (Никонов 1965, с. 57-61).

Мы также придерживаемся такого мнения, что собственные имена, в частности топонимы обладают семантическим потенциалом и главное отличие его от семантики нарицательных слов заключается в способе связи с обозначаемым объектом.

Выделяя основные принципы номинации топонимисты при выработке лексико-семантической классификации решают следующие задачи:

а) в чем заключаются общие, основные принципы номинации всех типов географических объектов;

б) какие свойства топонимических объектов учитываются при выборе названия;

в) какие лексические элементы являются наиболее употребительными в качестве названий в топонимии. Другими словами лексико-семантический анализ позволяет выявить источники возникновения и конкретную семантическую мотивацию топонимов (Никонов 1965).

Вопросы семантической классификации географических названий в своих трудах затрагивают в той или иной мере затрагивают почти все топонимисты. Многие исследователи занимались вопросами выработки лексико-семантической классификации, которую можно применить по отношению к географическим названиям различных территорий. Семантический подход находит отражение в работах А.В. Суперанской, Г.Ф. Саттарова, Ф.Г. Гарипова, О.Т. Молчановой, В.А. Никонова и др.

Особый интерес для изучения истории древнетюркской топонимии представляет апеллятивная лексика, которая является одним из основных «резервуаров» для топонимистов при определении географического объекта и отнесении к определенному классу. Географическая апеллятивная лексика помогает раскрыть содержание некоторых топонимов, особенно если это относится к более древнему пласту. В этой связи мы попытались рассмотреть содержательную сторону основных географических терминов, которые были использованы при номинации географических объектов древними тюрками. Используя универсальную

лексико-семантическую классификацию топонимов, мы выделили следующие шесть основные группы, по которым топонимическая апеллятивная лексика древнетюркского периода может подразделяться:

- 1) Гидронимическая апеллятивная лексика;
- 2) Оронимическая апеллятивная лексика;
- 3) Дромонимическая апеллятивная лексика;
- 4) Хоронимическая апеллятивная лексика;
- 5) Ойконимическая апеллятивная лексика;
- 6) Апеллятивная лексика, относящаяся к природным образованиям.

Рассматриваемая апеллятивная лексика, используемая для номинации географических объектов древнетюркского периода, представляет собой неоднородную терминологию (созданные природой и как результат деятельности человека), которая при семантическом анализе позволяет структурировать их нижеследующим образом.

Гидронимическая апеллятивная лексика. К данной группе относятся названия географических объектов, в составе которых имеются апеллятивная лексика, относящаяся к водным объектам.

При помощи гидронимического апеллятива *köl* образованы такие древнетюркские топонимы, как *Açıy Altır Köl*, *Qara Köl*, *Tajyan Köl*, *Türgi Jaryun Köl*, *İngäq Köläk*, *Qazluq Köl*, *Jilan Köl*, *Jula Köl*, *Uçuz Köl*, *Köl[t]i*. Географический термин *köl* имеет ряд значений, семантически взаимосвязанных между собой:

1. ‘озеро’ во всех источниках;
2. ‘море’ в кар.г.;
3. ‘пруд’ в тур., кар.т., кир., уйг.диал.;
4. ‘бассейн’ в кир., ‘водоем’ в ДТС.
5. ‘болото’ в кум., уйг.диал.;
6. ‘лужа’, ‘скопление воды’, ‘место, где собирается вода, текущая с высоты’;
4. 7. ‘рукав реки’, ‘ложбина, низменность, места, заливаемые весной водой’ в алт., тел. (Севортян 2003, с. 95-96).

В целом, *köl* обозначает любое большое скопление воды, естественного или искусственного, обычно

‘пруда’ или ‘озера’. К производным от слова *köl* можно отнести лексему *köläk* из топонима *İngäq Köläk*, встречается в памятнике в честь Тоньюкука. *İngäq Köläk* – озеро, недалеко от реки Тулы. Р. Гиразуд распо-

лагает данный географический объект в районе Угней-нор, реки Тулы в Монголии.

5. Компонент *köläk* данного топонима в тур. диалектах ‘маленькая яма, где собираются дождевые

воды’, в тув. *xölbäk* означает ‘водоем, пруд, лужа’. Этимология *köl* не ясна. К примеру, Г. Дерфер допускает, что данная лексема восходит к перс. источнику, В.И. Абаев считает, что осет. *kül/kölä* ‘глубокая лужа, место, вода в реке’ происходит из тюрк. языков (Севортян 2003, с. 94). Карта распространения данного термина обширна, поэтому, прежде всего, исходный термин *köl* используется в значении ‘озеро’. В.М. Ильичем-Свитычем отнесен к числу исходных праформ ностратического языка-основы. В этой связи он сопоставляет алт. *köl* ‘озеро’, ‘водоем’; урал. *käl* ‘пруд’, ‘болотце’, ‘речной залив’; дравид. *kol* ‘водоем’, ‘пруд’; семито-хамит. *kul* ‘водоем’, ‘река’; чадское *kula* ‘озеро’ (Севортян 2003, с. 95).

6. В тюркских языках термин выступает в различных фонетических вариантах *köl-göl-kul-kjöl* и различных значениях, которые мы представили выше, повторяя основное ностратическое значение ‘водоем’,

‘река’ и добавляя ряд новых значений. Из тюркских языков термин заимствован таджикским, памирскими, афганским, и осетинским языками в форме *kul* ‘озеро’ (в памирских языках ‘пруд’) (Поспелов 1980, с. 119).

В юго-восточных говорах таджикского языка *kul* приобретает значение ‘глубокое ущелье’, ‘котловина’,

‘впадина’. В монгольском отмечается такая же полисемичность данного термина, который означает не только ‘река’, но иногда ‘заболоченное озеро’, и дальше Монголии ближе к Гобийскому краю ‘сухое русло’. Кроме того, термин может обозначать и ‘имеющее тектоническое происхождение’. Таким образом, к основному ностратическому значению ‘водоем’ или ‘река’ добавляется новое – ‘сухое русло’.

Гидронимический апеллятив *ügüz*, как составляющий компонент встречается в топонимах *Taluj Ügüz*,

Tuyla Ügüz, Jar Ügüz, Jaşil Ügüz, Jänçü Ügüz.

Лексема *ügüz* имеет несколько значений:

1. ‘река’;

2. в перен. ‘обилие, множество’ (Наделяев 1969, с. 382). Этимология не известна. Возможна семантическая связь с *öqüz* ‘бык’.

Тюркский по происхождению географический термин *buluq* известен из древнетюркского топонима

Qara Buluq, который содержит дифференциальные семантические значения:

1. ‘родник’ в тур.диал.,аз., аз.диал., кум., кир., каз., ног., ккал., уз., уз.диал., лоб., алт., тув.; ‘источник’

в тур., турк., кум., каз., уз.; ‘источник, родник мутной воды’; ‘ключ’ в аз., кум., ног., ккал., уз.

2. ‘фонтан’ в тур.диал.; ‘струя’;

3. ‘ручей’ в сюг., тув.;

4. ‘канал, арык’ в ДТС;

5. ‘водоем’ в тур.диал.;

6. ‘лужа, болото’;

7. ‘замерзшая наледь возле родника’ в тоф.;

8. ‘первая трава выросшая у воды’, ‘зеленая местность с источником’ в тур.диал.;

9. ‘горная долина’ в тув.;

10. ‘ушная болезнь, при которой из уха течет кровь, поток из уха’ в уз.;

7. ‘золотуха’ в кир. (Севортян 1978, с. – 257).

8. Для всех этих лексико-семантических вариантов общим является значение, или сема

‘родник~источник~ключ’. Форма *puluq* ‘родник, ключ’ в алт., шор., саг. позволяет восстановить в них глагол *pulu- < *bulu-* - производное от односложной именной основы *bul*. *Buluq~bulaq* производят от глагола *bula-* ‘течь, вытекать’, еще раньше М. Рэсэн сопоставлял *buluq~bulaq* с глаголом *bulya-* ‘смешивать, делать

мутным’. С корневой морфемой глагола *bula* ‘течь’ попытались сблизить корневую морфему тур. диал. *bülke*

‘место, где бьет струя в фонтане’ или ‘место, где вытекает горячая вода в бане (обычно в центре)’, *-qa/-qe* является отглагольно-именным аффиксом корневой морфемы *bülke*, а *bül-* можно сопоставить с приводившимся выше *bul* корневой морфемой глагола *bula~bulu* ‘течь’. Тюрк. *bulaq~bulay* совпадает с письм.-монг. *bulay* ‘источник, ключ, родник, первоисточник’. М. Рэсэн и Г. Дерфер определяют за бурят. и монг. *bulag* в тех же значениях, что и в тюркских (Севортян 1978, с. 258). Данное слово хорошо известно, хотя не во всех тюркских языках. Термин имеет боль-

шую топонимическую активность на территории Казахстана, особенно это прослеживается среди гидронимов Павлодарской области, в которой были найдены

49 топонимов, образованных с включением данного лексического компонента. Интересным является тот факт, что термин не характерен для топонимии Южной Сибири и Алтая.

Топоним *Jula Köl* состоит из лексемы *jula*, которая также в составе многих современных топонимов относится к аппелятивной лексике. *Jula* является производной от *jul* и *-a*. Лексема *jul* в современных сибирских языках встречается в форме *чул/йул*. *Jul* имеет значение 'река, горная речка, ручей, поток,

источник, родник, колодец' в кыз., саг., койб., кач., хак., сал., чув.языках, в древнетюрк (Наделяев 1969, с.

277). Считается, что данная лексема восходит к ассанскому происхождению. Ученый ссылается на то, что распространение данного термина прослеживается на современной территории тюркских народов Сибири, а также *jul* выдерживает сравнение с енисейским топоформантом *-уль*. Параллели *jul* встерчаются в монг. и тунг.-маньчж. языках. и являются заимствованиями из тюрк. языков (Севортян 1989, с. 244). Из производных от *jul* распространены диминутивные формы *julaq* 'речка' как в *köläk* 'озерце'. В данном топониме *Jula Köl* термин *jul* играет роль определителя, мотивирующей основы и может быть инетрпретирован как 'точное озеро'.

Слово *sub* встречается в древнетюркских топонимах *Aq Sub* и *Ani Sub*. Праформой *sub* является *suβ~су*.

Лексема имеет ряд значений в современных тюркских языках:

1. 'вода' во всех тюрк. языках, 'мокрый, влажный, сырой' в кир., ног.;
2. 'река, поток' тур., аз., кир., ккал., ног., баш., уйг., алт., хак., чув., тув., тат.;
3. 'напиток, питье, жидкость' в чув., як., ДТС;
4. 'сок' в турк., тур., аз., кум., уз., тоф., чув., як.;
5. 'слеза' турк.диал.;
6. 'закалка металла (железа, стали)' в кир.;
7. 'отвар, экстракт' в тур.;
8. 'эссенция' в гаг.;
9. 'блеск' в осм., чаг. и в некоторых др.языках (Севортян 2003, с.348-350).

Sub в значении ‘сок’ связано с значением ‘вода’, обозначая жидкость, к примеру, в турк. *uzum suvı*

‘виноградный сок’, в чув. *хуран шыве* ‘березовый сок’. Также с точки зрения семантики интересны словосочетания прилагательные, обозначающие цвет со словом *sub*, к примеру, в тур. *kara su* употребляется в значении ‘медленно текущая вода’, а в кир. ‘речка, питающаяся подпочвенными водами’. В отношении водных географических объектов, в качестве составляющего *sub* используется в значении ‘река’.

Оронимическая апеллятивная лексика. Географический термин *jış* встречается в топонимах *Altun Soḡa Jış, Altun Jış, Soḡa Jış, Ğıḡaj Jış, Qadirqan Jış, Kögmän Jış, Ötükan Jış*. Лексема *jış* имеет ряд значений семантически связанных между собой:

1. ‘густой лес, чернь (лес и горы), тайга’ в алт., хак., саг., алт.диал., тат.;

2. ‘горы, покрытые лесом, чернь, нагорье с долинами, удобными для поселений, горное пастбище, горный лес, горы, горная цепь, горный хребет, склон, откос, высокое место, перевал, подъем, спуск’ в як.;

3. ‘спинной хребет, позвоночный столб, нижняя часть спины, крестец, поясница, хребет, спина, тыл’ в як.;

4. ‘пустующая невозделанная земля’;

9. ‘густой (о лесе)’ в кир., ккал., баш.; ‘частый’ в баш.; ‘сплошной’ в кир., ккал.; ‘плотный’ в баш.;

‘часто’ в тат., баш.; ‘сплошь’ в кир.; ‘нередко’ в баш.; ‘обильный’ (Севортян 1989, с. 43-44). . В семантическом отношении данный географический термин в качестве компонента может рассматриваться во всех перечисленных значениях. Интересным является то, что этот термин хорошо демонстрирует совмещение значений ‘лес+гора’ Совмещение значений вполне оправдано, поскольку большинство гор в Южной Сибири покрыты лесом. К примеру, топоним *Ğıḡaj Jış* – Иншаньские лесные горы, находящиеся на

северных изгибах Хуанхэ. Дж. Клосоном отмечено, что лексема *Ğıḡaj* появляется только в качестве

топонима, и возможно является заимствованием, К. Цегледи *Ğıḡaj Jış* отождествляет с Иншаньскими горами, поскольку кит. *yin* и *Ğıḡaj* используются в одном и том же значении ‘тень, теневой’, а С.Г. Кляшторный также относит данный топоним к горным районам Иншань; *Altun Soḡa Jış*, в свою очередь, лесогорная система Алтайских гор. Дж. Клосон, предполагает, что данный географический объект должен быть в южных районах Минусинской котловины (Aydin 2012, с. 34).

При участии термина *taγ* образовано множество древнетюркских топонимов, таких как *Kömiür Taγ*, *Äk*

Taγ, *Tünkär Taγ*. Данный термин по сей день является исключительно активным. *Taγ* имеет ряд значений:

1. 'гора, горный хребет' во всех источниках;
2. 'стадо' (Наделяев 1969, с. 526).

10. Термин *taγ* как общее название всякой земной возвышенности бытует в восточной части от Туркмении, также соответствует формам: *tau*, *too*, *tui*, *tya*, в гаг. *ta*. Из тюркских языков заимствовано в персидский язык в значениях: 'гора, вершина, хребет, многогорье'. В афган.яз. лексема *dag* отмечена в значении 'степь, поле', а в пакистанских языках 'путь, дорога'. Известно также, что это слово как и слово *jīš*, показывает связь между понятиями 'лес' и 'гора'. В словаре В.В. Радлова *dag* зафиксировано в значении

'лес' (Мурзаев 1976, с. 10).

Географический термин *qaja* встречается в топониме *Aq Qaja*. Лексема *qaja* имеет ряд значений:

1. 'скала' во всех источниках; 'утес' в кум., ног., уз., алт., хак., як.; 'крутая, высокая гора' в баш.даил.;

'высокая гора, цепь или хребет гор, каменные горы' в як.; 'обрыв' в ног.; 'косогор' в кир., ккал.;

2. 'большой кусок твердого камня' в аз.; 'твердый, крепкий камень' в тур.; 'подводный камень, гранит' в гаг.; 'камни' в уйг.даил. (Наделяев 1969, с. 406-407).

11. В большинстве случаев, в топонимии *qaja* понимается и подразумевается как 'скалистая местность'. В отношении этимологии данной лексемы, М. Рэсэнен считает, что тюрк. *qaja* является монгольским заимствованием, поскольку в монгольских и тунгусо-маньчжурских языках имеются параллели в форме *qada* 'скала', Дж. Клосон придерживается прямо противоположного мнения, восстанавливая на основе монг. *qada* первоначальное тюрк. *qada* в значении 'склоненный предмет' отглагольного имя от *qa:d-*. Сравнение тюрк. *qaja* и монг. *qada* Г. Дерфер считает фонетически невозможным, поскольку уже в др.-тюрк. яз. присутствует форма *qaja*. Г. Дерфер полагает, что источником тунг.-маньчж. форм является монгольский язык (Aydin 2012, с. 29-30).

. Источники тюрк. формы остаются неизвестными, возможно и то, что *qaja* является лексемой др.-тюрк. происхождения.

Термин *säjir* редко встречается в древнетюркской топонимике, однако в качестве компонента присутствует в топониме *Qara Säjir*. Данный географический термин также имеет ряд значений, семантически связанных друг с другом:

1. ‘холм между двумя долинами’, ‘сырт между двумя горами’, ‘холм, возвышенность между двумя водосливами’, ‘горная цепь’, ‘скала, гребень горы’ в тур. диал.; ‘высокие цепи гор’ в каз.; ‘предгорье’ в кир.;
2. ‘выступ горы’, ‘горный мыс, мыс’ в тат., кир., ДТС;
3. ‘угол’ в алт., тел.;
4. ‘конец стены’ в ДТС;
5. ‘укрепление’ в чаг.;
6. ‘густой лес’ в кир., каз.;
7. ‘переносица’ в бар.;
8. ‘граница, граница между двумя полями’ в тур. диал.;
9. ‘промежуток от носа до бровей, переносица’ в тур. диал., тур. (Севортян 2003, с. 253-254).

10. В значении ‘укрепление’ лексема *säjir* принадлежит близко звучащему тур. слову *säjner*, кум. *sänger*, ‘вал, окоп, траншея, укрепление’ и восходит к персидскому *sängär* ‘окоп, укрепление, баррикада’. Значение ‘мыс, переносица, нос’ могло возникнуть под влиянием значения ‘граница’. Лексеме *säjir* также сравнивают с письм.-монг. *seger* ‘спинной хребет, позвоночник, задняя часть шеи, холм, гребень горы’. Из монгольского языка заимствована алт. диал. в форме *säär* со значением ‘небольшое возвышение, кряжек’. Также к монгольскому источнику возводят маньчж. *säjrä* ‘спинные позвонки, хребтовая кость, к которой прикреплены ребра’ (Севортян 2003, с. 254).

Географический термин *jotaliq* встречается в древнетюркском топониме *Qara Jotaliq(in)*. Данная лексема состоит из корневой основы *jota* и словообразовательного афф. *-liq*. Лексема *jota* принадлежит к древней части тюркской лексики, к примеру, в огуз. яз. эта основа отсутствует. *Jota* имеет несколько значений:

1. ‘голень’ в алт., хак., саг., койб., караг., тув., тоф., як.; ‘берцо, лытка, нижняя половина задней ноги животного, голень, нижняя берцовая кость’ в як.; ‘нижняя часть ноги’ в алт.; ‘верхняя часть ноги’ в бар., кюэр., др.-уйг., шор., саг., ‘бедро’ в уйг. диал., ‘икра у ноги’ в сиб., тат.; ‘колено’ в алт.
2. ‘кость ноги, кость барана, нога, нога овцы’ в сюг.;

3. 'туловище, стан, фигура' в составе *jotali* 'статный, видный' в ккал., уз.;

4. 'пах (у человека)' в уйг.диал.;

5. 'широкая, ровная спина (имеющий спину широкую как в плечах так и в талии)' в кир.;

6. 'холка' в уйг., тат., др.-уйг.;

7. 'хребет, горный хребет, ряд холмов' в кир., каз.;

8. 'название кости, рода' в сюг (Севортян 1989, с. 29-90).

Общим значением данного слова является 'голень', которая исторически относилась преимущественно к домашним животным. Однако в *jota* в качестве одного из компонентов топонимов рассматривается в значении 'горный хребет, ряд холмов'. В казахском языке данный термин широко используется в образовании топонимов.

Jar также, как и вышепредставленные лексемы относится к группе апеллятивной лексики. Термин *jar* представлен в древнетюркском топониме *Jar Ügüz* и имеет ряд омонимичных значений, в которых каждая из них восходит к отдельному источнику:

1. 'слюна' во всех источниках; 'пена' в тур.;

2. 'крутой берег, высокие крутые берега рек, крутобережье, откос, покатость, берег' в кир., каз., ног., ккал., алт., як., тат., баш., чув., хак.; 'овраг, ров, расщелина, образованная водой, потоком' в турк., тат.диал., уз., уз.диал., тур.; 'обрыв, пропасть, образовавшаяся под действием воды, пучина, бездна, ущелье' в кум., кум.диал., кир., каз., ног., ккал., уз., уз.диал., уйг., уйг.диал., лоб, як., чув., тур., тур.диал., кар.г.; 'скал а, утес, гора, горка, холм, бугор, пригорок, дорога на гору' в кум., ног., як.; 'стена' каз. диал.; 'падение' в тур.;

'крутой, высокий, отвесный, обрывистый' в алт.;

3. 'клич, призыв, зов, созыв, сбор, клик, вестник' в турк., тур., аз., кир., ног., ккал., алт.; 'известие, объявление, обнародование, публикация, воззвание, известие' в турк., ккал., уз.диал., алт., тув., аз.; 'крик, возглас, рев, плач, звук, шум, болтун (подражательные значения)' в турк., тур., аз.; 'приказ, повеление, распоряжение' в алт., уз.диал.; 'опасность, просьба, помощь' в тур.диал.; 'ребенок, мальчик, парень, юноша';

4. 'светить, освещать, быть освещаемым, блестеть, белеть, радоваться, улыбаться, прозреть, открыться' в кар., кир., тат.диал., уйг.диал., лоб., хак., тув., тоф., чаг., тат., шор., саг. и других тюркских языках;

9. 'рассекать, колоть, рубить' в турк., тур.диал., кум., кар., бал.; 'отделять, разделять' в тур., тув.;

‘разрывать, раздирать, терзать’ в кум., ккал., уз., сюг., чув.; ‘рыть, копать, пахать’ в уз.диал., тув., тоф.;

‘дробить, обдирать’ в тур.диал.; ‘огрabit’ турк.; ‘решать, судить, расследовать, выяснять’ в тув., лоб., саг., шор.; ‘раскалывать’ в кум. (Севортян 1989, с. 134-135).

Для топонима *Jar Ügüz*, при учетывании второго компонента *ügüz*, который относит данный топоним к водным объектам, более всего подходят значения ‘крутой, берег’, ‘бездна’. Следовательно, данный топоним можно инетрепретировать как ‘река, имеющая высокие, крутые берега’.

Теримн *qiz* встречается в древнетюрском топониме *Çuyaj Quz*. Лексема *qiz* имеет ряд значений:

1. ‘часть, сторона горы, неосвещаемая солнцем’ в ДТС; ‘тенистое место, тень, место, где не видно солнце’ во всех ичточниках;

2. ‘северная теневая сторона горы’ в аз.; ‘сторона горы куда, не попадает солнце’ в тур.диал.;

‘теневая сторона’ в турк.; ‘север’ в тур., аз.;

3. ‘место, где не видно солнце, место, где не показывается солнце’ в тур., аз.диал., ‘тень, место не получающее солнца’ в тур.диал.; ‘сырая местность’ в аз.;

4. ‘прохладный’ в тур.диал.;

5. ‘северный’ в тув., в тур.диал. (Севортян 1997, с. 108).

Общая сема всех значений вполне очевидна. Этимология данного слова не ясна. А.Н. Кононов попытался возвести к *qiz* ‘осень’, однако данная гипотеза пока еще лингвистически не обоснована и остается открытой. Производная *quzej* также как и *qünej* ‘солнечная сторона, солнечное место’ образована по той же модели с помощью аф. *-ej*, другим вариантом которого является *-gej/-kej*, представленный в каз. *teriskej*

‘северная сторона’, кир. *tesкей* ‘несолнечная, теневая сторона, северный склон горы’. Есть предположение, что *qiz* содержит ту же корневую основу, что и *qu*, которая представлена в як. *qula* ‘склон горы; склон, обращенный на север, у реки – на запад; южная сторона еланей и полян, темная, противоположная солнечной стороне; та сторона леса, горы, реки и т.д., которая освещается вечерним солнцем’; ‘южная подлесная, теневая сторона участка; лесная чаща; тенистый и мало доступному ветру (местности)’;

‘безветренный, и пасмурный’. Из тюрк. языков заимствовано лез. *кьюза* ‘северная теневая сторона, горы,

тень’ (Севортян 1997, с. 109).

Особый интерес вызывает компонент *bajırqu* из этнопонима *Jir Bajırqu*, который состоит из двух составляющих *bajır* + *qu*. Лексема *bajır* употребляется во многих тюркских языках в значении ‘холм, бугор’. В.В. Радловым *bajır* рассматривается также в значении ‘косогор, пустыня’, которое сближается с персидским *bair* ‘пустошь, необработанная земля, необитаемое место’ (Радлов 1898). В Таримской впадине, в пустыне Такла-Макан баирами называют песчаные гряды, а также впадины между ними. В Мангышлаке и на Устюрте увалы, холмы и возвышенности называются баирами. Считается, что данная лексема в каз. языке заимствована от туркмен. Между тем, у каракалпаков *бауыр* означает ‘склон горы’. Бурятский географический термин *боори* ‘возвышенность, возвышенное место’. Любопытно, что в пустынях Омана песчаные дюны тоже называются баирами. Этот тюркский географический термин известен также в славянских языках, особенно в русском языке как *буерак*, *байрак*, *байрачные леса*, *буерачник* и т.д. В укр. языке *байрак* означает ‘овраг, поросший лесом’, ‘низина, поросшая деревьями’, ‘возвышенность, покрытая густым лесом’, ‘лесок в ограде’ и т.д. (Мурзаев 1964, с. 75-76).

Вторую составляющую *qu* можно рассмотреть, учитывая предлагаемые значения Э.В. Севортьяном:

‘сухой, бледный, блеклый, серый’ (Севортьян 2000, с. 95). Однако, по нашему мнению, эти значения недостаточно раскрывают термин *bajır*. Мы, в свою очередь, предлагаем иную сему слова *qu* в значении

‘сплошь’, которая не рассмотрена в этимологических словарях. Данная лексема в таком же значении встречается во многих тюркских языках, к примеру, в каз. языке *қу дала* означает ‘сплошная степь’. В этой связи, *Jir Bajırqu* можно интерпретировать как ‘земля сплошной пустоши (без растений)’ или ‘земля сплошных холмов, бугров’. Учитывая все вышесказанное, можно предполагать, что данный топоним сначала

был названием местности, затем по названию местности были названы местные насельники, что послужило возникновению этнонима *Bajırqu*. В настоящее время учеными многие этнонимы рассматриваются в качестве этнопонимов, поскольку большинство из них отграничить от топонимов очень сложно. Причиной является то, что в древнетюркский период многие из названий этносов представляли собой географические наименования стран, мест, в которых они проживали.

Географический термин *тиуур* является лексемой, которая перешла в класс имен собственных. В современном названии термин встречается в форме *mukkur* или *mukir*. В настоящее время так называется село, к примеру, в северной части Рузаевского района в России. В специальной литературе нет единой точки зрения по поводу толкования этого слова. Под

тиуур Э.М. Мурзаевым понимаются ‘многочисленные тупиковые пади, долины, овраги, иссекающие, никуда не впадающие, речки’ в Бурятии и Монголии (Мурзаев 1964, с. 213). Происхождение данного слова Э.М. Мурзаев связывает с халка-монг. *tuxar* ‘тупик, конец’; А. Абдрахманов рассматривает это слово в значении ‘обрыв’; Г. Конкашбаев определяет данный термин как ‘короткую маловодную реку’; Ж. Болатов также отмечает, что значение слова соответствует монгольскому *tuxar* ‘угол, край, окраина’ (Султанев 1980, с. 116). В казахском языке этот термин имеет форму в виде *мықыр* со значением ‘невысокий, малый’. Лексема является не широко распространенной по сравнению с другими терминами и мало продуктивной, однако встречается в качестве географического апеллятива, перешедшего в разряд топонимов, употребляемых в качестве названий конкретных оронимических объектов.

12. Термин *qisil* является не очень распространенным и в орхоно-енисейских текстах и встречается только один раз в топониме *Qarayan Qisil*. Лексема *qisil* означает ‘ущелье, теснина’ (Наделяев 1969, с. – 447). А. Габэн рассматривает значение данного слова в контексте ‘горло’, ‘между горами, между долинами’, М. Олмез, ссылаясь на уйгурские тексты, под лексемой *qisil* понимает ‘проход’ (Aydin 2012, с. 107-110).

Дромонимическая апеллятивная лексика. Апеллятив *jazi* – широко распространенный термин, использующийся в качестве составляющего компонента в таких топонимах древнетюркского периода как

Šantuy Jazi, Jariš Jazi, Tögültün Jazi. Jazi является хорошо известным термином для именованя долин, степных просторов, равнин. Лексема *jazi* имеет ряд лексико-семантических вариантов:

1. ‘простор, большое пространство’ в турк.;
2. ‘пространная равнина’ в тур., чаг.; ‘равнина’ в тур., тур.диал., аз. диал., кир., уйг.диал., як.;
3. ‘степь’ в турк., тур.диал., ног., каз., хак.диал.;
4. ‘пустынное место, пустыня, пустырь’ в аз., каз.диал.;
5. ‘пустое и открытое место, поле, поляна, прогалина, долина’ в
6. ‘обжитая и обрабатываемая территория, сельская местность’ в уйг. диал.;
10. ‘распластавшийся, распростертый, широкий, ровный, открытый’ в кир., алт. (Севортян 1989, с. 73-74).

Все лексико-семантические варианты слова объединяет сема ‘простор’. Исследователи считают *jazi* производным с афф. – *i* от глагола *jaz* ‘расстилать’. – *i* в данном географическом термине является афф. обра-

зующим существительные, прилагательные и т.д., так называемым афф. абстракта (*abstracta*). В древнетюркских топонимах как аппелятивная составляющая *jazi* означает ‘пространственную равнину’.

Термин *jol* (с *i* – афф. образующим существительное, прилагательное и т.д.) встречается в древнетюркском топониме *Suqaq Joli*. Лексема *jol* имеет несколько значений, семантически связанных между собой:

1. ‘дорога, путь’ во всех источниках; ‘улица’ в халадж., як.;
2. ‘направление’ в турк., кум., каз., баш.диал.;
3. ‘поездка’ в турк., кар., ног.; ‘путешествие’, ‘нахождение в пути, дорога’ в ДТС; ‘рейс’ в турк., кум., ног., уз.;
4. ‘ход, скорость’ в тур.; ‘ход’ в тур., аз.; ‘выход’ в аз.; ‘проход, канал, русло’ в тур., чув.; ‘пути, проток (аналит.)’ в турк., тур.;
5. ‘полоса’ в тур., каз., ног., ккал., уз.; ‘линия’ в турк., кир., каз., ног., ккал., алт.; ‘черта, строка’ в кир., каз., ног., ккал., тат., уз., уйг., алт.; ‘пробор’ в казан.;
6. ‘путь (достижения чего-л.)’ в турк., тур., кум., ног., тат., баш., уз.; ‘путь, способ существования’ в ДТС; ‘верная дорога’ в кир.; ‘жизненный путь, возможность, прием’ в турк., кум., каз., ног., уз.; ‘способ’ в турк., аз., кум., ног., тат., баш., уз., алт., ‘метод, средство’ в тур., аз., тат., баш.; ‘выход (из положения)’ в аз., кум.; ‘обычай (распорядок, правило)’ в кир., каз., алт.; ‘порядок, правила, система’ в тур.; ‘образ (действия)’ в тур., аз.; ‘манера’ в тур., аз.;
7. ‘убеждение, учение’ в тур.; ‘право, законность, позволение, разрешение’ в кир., ккал.;
8. ‘судьба’ в кар., сюг., тув.; ‘жизнь’ в кир., каз.; ‘счастье’ в сюг., тув., тоф.; ‘доля’ в тув.; ‘удача’ в тоф.;
9. ‘раз’ в тур., аз., кир., каз., тат., уйг., халадж.;
11. ‘подарок’ в кир., ‘денежный подарок, даваемый на свадьбе со стороны парня стороне девушки’ в тур.диал. (Севортян 1989, с. 217-219).

Переносные значения данной лексемы отмечены сравнительно рано. К др.-тюрк. *jol* приводится монг. параллель *zol*. В монгольском языке *zol* имеет более суженную семантику ‘счастье, счастливая поездка, успех’, судя по этому можно сказать, что одно из центральных значений лексемы др.-тюрк. *jol* является значение ‘счастье, удача’. В этом значении оно сохранилось в таких каз. словосочетаниях, как *жол болсын*

‘счастливого пути’, *жолың ұзарсын* ‘желаю тебе удачи и благополучия’, *жолы болды* ‘ему повезло’ и т.д.

Этимология *jol* представляет огромный интерес, если рассматривать парное слово *jol-oruq*, встречающееся в

ДТС, в котором *oruq* означает ‘дорога’. В этой связи, *jol* и *oruq* представляют парные слова.

Топоним *Tarlay* встречается однажды в енисейских памятниках (Е-12, Е-72). Данный термин означает

‘поле, нива’ (Наделяев 1969, с. – 538). Мы предполагаем, что данная лексема происходит от глагольной формы *tar-* ‘распускать, рассеивать, разгонять’.

Хоронимическая апеллятивная лексика. Термин *Jir* встречается в таких древнетюркских топонимах как *Toquz Oydadam Jir*, *Uiyur Jir*, *Jir Bajırqu*, *Ötükan Jir*. Термин также имеет ряд семантически родственных значений:

1. ‘земля, страна, край, территория’ во всех источниках и в чаг., тат., кар., уйг.диал., алт., хак., тув., кыз., як., турк.;

2. ‘место, местность, сторона, точка пункта, пространство, расстояние’ турк., тур., гаг., аз., кар., кум., чув., кир., каз., ккал., тат., баш., уз., уйг., уйг.диал., хак., тув., тоф., халадж., як.;

3. ‘почва (грунт)’ в турк., аз., кум., ног., уз., уйг.диал., хак., халадж., як.;

4. ‘охотничья земля’ в уйг.диал.; ‘пахотная земля’ в як.; ‘земельный участок’ в аз.; ‘поле’ в тур.диал.;

‘владения’ в хак., як.; ‘поместье’ в кум.;

5. ‘пол (земляной)’ в ног., уйг.диал.;

6. ‘постель’ в турк., аз., кум.;

12. ‘должность’ в турк.; ‘звание, чин’ в халадж. (Севортян 1989, с. 191-193).

Вторичные значения (4-7) фиксируются в источниках непоследовательно. Арахичным является значение ‘земля’, упомянутое в орхоно-енисейских надписях. Др.-тюрк. *jir* в тунгусо-маньчжурских языках имеет параллели, например, в эвэн. *järkä* (*jarko~närkä*) ‘земля, мир, вселенная’. Из тюркских языков данная лексема была заимствована иранцами и курдами. В чувашском языке *jir* имеет форму *cer*. Интересным является также то, что *ceršiv* ‘страна, местность’ в буквальном смысле означает ‘земля-вода’ как в др.-тюрк. *jir-sub* ‘земля-вода’. Из производных *jir~jär* в современных языках распространен глагол с афф. *-sin – jersin* баш. *йірхін*, кир. *жерсин*, каз. *жерсін* со значениями ‘поселяться, устраиваться’ в древнетюрк., ‘привыкать, приживаться, акклиматизироваться’

(Наделяев 1969, с. 257-258), в каз., баш., ккал.; ‘считать удобной землю и обитать на ней’.

Слово *Il* в составе топонимов *Bäš İl, Tägräs İl, Bökli Cöllüg İl* имеет также ряд дифференциальных значений:

1. ‘народ’ в турк., тур., аз., ктат., кар., кбал., кир., каз., уз., уйг., лоб., алт., хак., чув.; ‘собственный народ, свое племя, своя семья’ в алт., леб., тел.; ‘население’ в турк., тур.диал., каз., ног., ккал., уйг.; ‘жители’ в турк., тур.диал.; ‘жители одной местности’ в осм., ктат.; ‘представитель деревни, происхождения из деревни’ в чув.; ‘мирный житель’ в кир.;

2. ‘люди’ в турк., ктат., кар., кбал., уз., лоб.; ‘общество’ в кум., кбал., тат.;

3. ‘чужой человек, человек чужой крови, чужие люди’ в гаг.; ‘люди прихода, в противоположность собственной семье, т.е. чужие, дургие’ в осм., ктат., тур., тур.диал., кар.; ‘другой’ в тур.диал.;

4. ‘государство’ в кир., тат.; ‘административная единица’ в ДТС; ‘губерния’ в осм.; ‘деревня, село, селение’ кум., кбал., чув.; ‘провинция’ в тур., уйг.;

5. ‘господство, власть’ в койб.;

6. ‘подданные’ в койб.;

7. ‘страна’ в тур., тур.диал., кир., каз., ног., ккал., тат., баш., уз.; ‘часть страны’ в тур.диал.; ‘край’ в турк., тур., тур.диал.; ‘родина’ в ног., баш.; ‘сторона’ в турк., аз.диал., кум., уйг.;

8. ‘мир (окружающее), свет’ в турк., аз., кум., кбал., баш., чув.;

9. ‘мир, согласие, покой’ в ДТС;

10. ‘рой (пчел)’ в тат.;

11. ‘войско’ (Севортян 1974, с. 339-340).

Самыми ранними и главными значениями данной лексемы, по Г. Дерферу, являются ‘мир’, ‘состояние мира’ и ‘союз (конфедерация) племен’, второе из которых развилось из ‘племени, живущие между собой в мире’ (Севортян 1974, с. 41). Из значения ‘союз племен’ далее развиваются значения ‘земля’, ‘край’, ‘область’

→ ‘люди’ → ‘чужие’, ‘чужаки’. *El/Il* гомогенно с производным *elig* ‘правитель’, ‘государь’, ‘владыка’. В

древнетюркских письменных памятниках в основном в составе топонимов употребляется в значении

‘государство’ и ‘государственное устройство’.

Ойконимическая апеллятивная лексика. Термин *qorγan* встречается один раз в древнетюркском топониме *Amγa Qorγan*. *Qorγan* – широко известное и распространенное тюркское слово, очень часто встречается в географических названиях на громадных просторах Евразии от тихого океана до бассейна Дуная и Вислы, от Ледовитого до Индийского океана. Исходное значение термина *qorγan*:

1. ‘крепость, укрепление, твердыня, защита’ во всех источниках;
 2. ‘высокая глинобитная стена у могилы’ в кир.;
 3. ‘развалины’ в кир.;
- ‘загон для скота’ в кир. (Мурзаев 1964, с. 79-80).

Г.К. Конкашбаев каз. *қорған* производит от слова *қорғану* ‘защищать-ся’ (Мурзаев 1964, с. 79). Однако, нами предполагается, что *qorγan~qurγan* происходит от глагольной формы *qur-* ‘строить’ + непроизвольного афф. *-γan*. Слово в словарях якутского, монгольского, халха и бурятского языков не фиксируется. В афганском языке оно сохранилось в форме *qurgan* в таком же значении ‘укрепление, крепость’. В таджикском языке этот термин в значении ‘холм’ заимствован из узбекского языка. В Средней Азии почти у всех народов имеется данный термин. С тюрк. *qorγan* можно сопоставить япон. *quruwa*, который употребляется в значении ‘крепостной вал’ и кор. *qoran* ‘межа’. В этой связи, если найти параллели в монг. языках, то можно будет говорить об алтайской праформе данного термина. Из тюркских языков слово заимствовано некоторыми индоевропейскими языками, в том числе русским языком *qorγan* ‘крепость’,

‘могильная насыпь’, ‘могильный холм или бугор’, ‘всякий небольшой холм, сопка, вершина’ и т.д. На севере в тундре применительно значение ‘глубокая яма’, ‘бакалдина с водой’, ‘небольшое болото среди тундры на

берегах Ледовитого океана’, ‘омут в реке’ на Енисее. Из других славянских языков данный термин употребляется в укр. *курған* ‘искусственный холм, бугор, возвышенность’, польск. и чешск. *kurhan*, болг. *курған* ‘могила’, венг. *kurgan* ‘холм’ (Мурзаев 1964, с. 80).

Термин *baliq* используется в качестве определителя в древнетюркских топонимах *Bajbaliq*, *Bäšbaliq*, *Qamıl Baliq*, *Toγu Baliq*, *Baliqliy*. Лексема *baliq* имеет два семантических поля, два из которых встречаются в вышеназванных топонимах. По первому семантическому полю данный термин имеет ряд значений, связанных между собой:

1. ‘стена, обнесенный стеной, город, окруженный стеной’;
2. ‘крепость’;
3. ‘загородь’ (Севортян 1978, с. 59).

4. Существует предположение, что данная лексема восходит к *bal* ‘глина’. Согласно Г. Дерфферу, данная лексема имеет следующее семантическое развитие ‘город’: ‘глина’ > ‘глиняная стена’ > ‘место, обнесенное глиняной стеной’ = ‘город’. Многими исследователями признается связь значений ‘город’ и

‘глина’. Г. Дерффер также возводит монг. формы (ср.-монг. *balaqasun*, монг. *balgasun* < **balaka-sun*) к тюркскому источнику: прамонг. *balagasun* < пратюрк. *bālāqā* (Севортян 1978, с. 60). Однако, по свидетельству М. Кашгари слово *baliq* огузами произносилась как *balq* и означало ‘грязь’ (Севортян 1978, с.

61).

По второму семантическому полю лексема *baliq* означает:

1. ‘рыба’ во всех источниках; ‘небольшая рыба’ в лоб.;
2. ‘карась, мундушка, морское животное (морской котик, кит и т.д.)’ в як.;
3. ‘человек расстроенный, находящийся в забвении’ в як.;
5. ‘рыбы (название созвездия)’ в алт., леб., тел., и др. тюрк. языках (Севортян 1978, с. 60).

6. М. Рээнэн реконструирует архетип в виде *baluq* или *baliq* и приводит монг. параллель в виде *falū*

‘вид леща’. Л. Рашоньи производил *baliq* от глагола *balq-/balqī* ‘искриться, сверкать, мерцать’, однако данное предположение является ошибочным, поскольку из *balqī* вывести *baliq* невозможно. С.П. Толстовым представлена другая позиция. Согласно его мнению, *baliq* этимологически можно рассмотреть, указывая на *bal/bar* в значении ‘болотистого, не текучего водоема’, который восходит к III-II тысячелетию до нашей эры после тектонических образований (Севортян 1978, с. 60).

В пользу данного предположения говорят малочисленные факты, такие как каз. *бал* ‘маленький арык’, аз. *балах* ‘осока’ и т.д., однако достоверного лингвистического обоснования данной гипотезы нет. Поэтому более достоверным этимологическим анализом в отношении данного термина в настоящее время является гипотеза А.Н. Баскакова о персидском происхождении: *baliq* < перс. *bal* ‘плавник рыбы, крыло птицы’ (Баскаков 1985, с. 31). *Baliq* в значении ‘рыба’ из древнетюркских топонимов используется только в одном случае *Baliqliḡ*, остальные топонимы *Vajbaliq*, *Bäšbaliq*, *Qamīl Baliq*, *Toḡu Baliq* состоят из компонента, который означает ‘город, крепость’.

Апеллятивная лексика, относящаяся к природным образованиям. Распространенный термин евразийского ареала *taş* используется в древнетюркском топониме *Tonjin Taş*. Географический термин имеет несколько значений:

1. ‘камень’ во всех источниках;
2. ‘внешний вид, облик, наружная внешняя сторона’;
3. ‘наружный, внешний, верхний (об одежде)’;
4. ‘кроме, помимо, вне (в служ. знач. послелог)’, к примеру, в словосочетании *taş yer* имеет переносное значение ‘чужбина’ (Наделяев 1969, с. 539-540).

Много топонимических примеров со словом *taş*. В значительно большей степени данный термин используется в значениях ‘камень’ или ‘вне’.

Слово *qum* встречается в древнетюркском топониме *Qara Qum*. Лексема *qum* означает:

1. ‘песок, песчинка’ во всех источниках;
2. ‘земля, почва’ в тур.диал.;
3. ‘пыль, грязь’ в турк., кум.;
4. ‘накипь (на дне посуды)’ в кир., баш., чув.;
5. ‘отмель, мель’ в кыз.;
6. ‘ил’ в бал.;
7. ‘волны, волнение’ (Севортян 2000, с.132-133).

Все вышеназванные значения семантически связаны между собой. Последнее значение данной лексемы, возможно, рассматривается в качестве ‘волн, появляющихся в пустынных местах’. Праформа данной лексемы восстановлена А.М. Щербаком в виде *qum*. Н. Поппе считает, что монгольские лексемы

(монг. *qutaki*, калм. *xutg*, халх. *xutaq*, бур. *xutxi* ‘земля, пылинка, песчинка’) и тюрк. *qum* являются прародственными. Однако, Г. Дерфер отклоняет мнение о монгольско-тюркской праформе данного слова, поскольку из монгольских данная лексема в форме *qum* есть лишь в калмыцком языке, поэтому в монгольских языках данная лексема может быть заимствованием из тюркских (Севортян 2000, с. 134-135).

Не распространенный географический термин *käčig* в качестве компонента встречается только в древнетюркском топониме *Täbsäj Käčig*. Древнетюркское *käčig* означает:

1. ‘проход, переход’;
2. ‘брод, мост’;

3. ‘обход, прохождение мимо, избегание’ (Наделяев 1969, с. 291).

Все вышеназванные дифференциальные значения данного термина семантически взаимосвязаны между собой. В топонимах рассматриваются все три значения.

Таким образом, настоящее исследование показывает, что апеллятивная лексика древнетюркской географической номенклатуры характеризуется чрезвычайно разнообразным составом лексики, относящейся к различным сферам. В этой связи наш топонимический материал позволяет выделить с точки зрения

семантики вышеназванные группы, в которой разнообразная апеллятивная лексика древнетюркских топонимов разграничивает и детализирует почти все разновидности географических объектов, созданных природой и деятельностью человека. Как показывает собранный материал, это названия стран, больших и

малых населенных пунктов, озер и рек, гор и вершин, и других объектов. Лексико-семантический анализ

апеллятивной лексики древнетюркской топонимии позволяет раскрыть внутреннюю смысловую структуру слова, состоящую из общих сем и дифференциальных значений, а также установить этимологию составляющих компонентов. Данной исследование свидетельствует, что в корпусе древнетюркских географических названий преобладающее большинство составляют слова, наличие которых обусловлено природными условиями, особенностями ландшафта, своеобразием хозяйственного уклада и другими реалиями древнетюркской действительности, воссоздающими картину мира древних тюрков.

Литература

- Aydın E. (2012), *Eski Türk Yer Adları*, Konya, 210 s.
- Баскаков А. Н. (1985), “К этимологии собственных тюркских имен в русских летописях антропонимии узов (огузов)-черных клобуков”, *Теория и практика этимологических исследований*, М., Наука, с. 30- 34.
- Гарипова Ф. Г. (1998), *Татарская гидронимия*, Казань, 571 с.
- Мурзаев Э. М. (1964), *Монгольские топонимы в Курдистане*, В кн.: Топонимика Востока. Новые исследования, М., 239-243.
- Мурзаев Э. М. (1976), “Кавказские географические термины и их параллели”, *Ономастика Кавказа* Махачкала, с. 7-20.
- Мурзаев Э. М. (1980), *Избранная тюркская географическая лексика*, В кн.: Ономастика Востока, М., с. 72- 88.
- Наделяев В. М. (Редколл) (1969), *Древнетюркский словарь*, Л.: Наука, 677 с.

- Никонов В. А. (1965), *Введение в топонимику*, М., 305 с.
- Поспелов Е. М. (1980), “Гидронимические ареалы Центральной Азии”, *Ономастика Востока*”, М.: Наука, с. 119-122.
- Радлов В. В. (1898), *Опыт словаря тюркских наречий*, СПб., Т.1 Ч.1, 968 с.
- Севортян Э. В. (1974), *Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на гласные*, М.: Наука, 768 с.
- Севортян Э. В. (1978), *Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на букву «Б»*, М.: Наука, 349 с.
- Севортян Э. В. (1989), *Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Ж», «Ж», «Й»*, М.: Наука, 292 с.
- Севортян Э. В. (1997), *Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские лексические основы на буквы «К», «Қ»* М.: Языки русской культуры, 368 с.
- Севортян Э. В. (2000), *Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на букву «Қ»*, М.: Наука, 476 с.
- Севортян Э. В. (2003), *Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Л», «М», «Н», «П», «С»*, М.: Наука, 443 с.
- Султаньяев О. А. (1980), *О методах ономастических исследований Ч.Валиханова*, *Ономастика Средней Азии, Фрунзе, №2.* – С.268-272.
- Суррапаҗскаҗ! А. В. (2012), *Обитаҗл теоруҗл УМеҗи собтаеҗНҗозо*, М.: КҗПТКҗбили /10М <<ЛҗНЕРОКОМ>>, 368 с.
- Суррапаҗскаҗ! А. В. В.3. СҗаҗТМаҗе, Н. В. Иoi10JibCKаҗ!, АЖ СумаҗоВ (2007), *Теоруҗл и МетооуКа оҗОМаҗтut.tecКух иссҗJeОоааиуU*, М.: ЛКП, 2-е И3,Лҗ; 256 с.

